

Первым делом я просмотрела интервью с четырьмя бандитами, которые напали на Джона.

Все они были... удивительно последовательны: все четверо утверждали, что видели, как он зашел в магазин, взял газировку и ушел, не заплатив. Далее в их показаниях говорится, что из-за этого они решили противостоять Джону, и когда они остановили его в переулке, он использовал свои способности, чтобы бросить в них огонь, как из огнемета.

Четверо утверждают, что побежали, а один из них, некий Мик Самуэльсон, якобы попал под струю пламени и попытался стряхнуть с себя... ботинки? Шорты? Сам Мик только что сказал про одежду, но это он якобы горел; остальные трое только решили, что не могут ни о чем договориться.

Именно когда предполагаемая жертва снимала эту одежду, утверждал он, он упал на стройплощадку, неудачно приземлился и сломал ногу в трех местах.

Я сравнила сделанные фотографии, как те, что были у меня с моим маленьким «Полароидом», так и копии, присланные обвинением. Я просмотрела медицинские карты нападавших. Сверила описанное с тем, что знала о местности, и восстановила переулок и улицу, насколько это было возможно, имея только мой кабинет и несколько полароидных фотографий.

Мысленно и в пантомиме воспроизвела события, пытаюсь определить, что это означает для моего подхода - сделка о признании вины пока не рассматривалась, но, возможно, в ходе судебного разбирательства...

Я стояла на месте Джона Аллердайса. Мысленно вернулась в переулок - его тревога и страх, затем боль, затем необходимость бороться. Подумала о его вспышке, о проявленном им самообладании, о том, что он, должно быть, чувствовал. Я позволила себе принять показания Мика Самуэльсона за чистую монету, дала ему повод для сомнений и снова воспроизвела события, на этот раз с противоположной стороны. Я сравнивала оба варианта, пытаюсь понять, какой из них имеет больше смысла, какой имеет больше доказательств, а затем пыталась понять, как мне это доказать.

И через все это я пришла к одному неизбежному выводу...

К тому времени, когда я закончила, мой кабинет находился в состоянии беспорядка. Сбегав в кладовую, я обнаружила пряжу, стикеры, бумагу и белую доску - все это я умудрилась разбросать по помещению в бессистемном порядке, который имел смысл только для меня.

К первым кассетам добавились еще несколько: Beatles, Duran Duran, Van Halen и Metallica - все они сопровождали меня в размышлениях и в том, о чем я думала в тот или иной момент и как я думала.

Потянувшись под стол, чтобы поменять туфли на каблуках, я с досадой подумала о том, сколько времени понадобится, чтобы привести кабинет в надлежащий вид. Но об этом позже.

Я собрала только самое необходимое, поднялась на лифте и вошла в кабинет Сэма Либермана.

«Ну как?» - спросил он.

На самом деле мне не нужно было ничего говорить. Я просто положила на стол блокнот и документы, полученные от обвинения, разложив их так, как, как я знала, он любит раскладывать документы по своим делам.

Затем я просто отодвинула стул от его стола, скрестила одну ногу с другой и стала ждать.

Прошло тридцать минут. В течение тридцати минут я наблюдала за тем, как мой босс вникает в факты, собирает их воедино, выявляет несоответствия и строит повествование. Все это отражалось в изгибе его бровей, напряжении челюсти и шеи, тоне дыхания и давлении пальцев на страницу.

По истечении этих тридцати минут Либерман встал с кресла и подошел к окну от пола до потолка за своим столом, из которого открывался вид на Центральный парк.

«Вы думаете, что сможете победить!»

Это был не вопрос. Мой босс делал заявление. Он был моим начальником уже почти десять лет; он точно знал, насколько уверенной я должна была быть, если решилась донести эту информацию наверх.

«Это самый открытый и простой случай самообороны, который я видела за долгое время», - сказала я ему, вставая и обходя стол, чтобы встать рядом с ним. «Я никогда не видела более легкого источника разумных сомнений. У нас есть подробная информация о месте преступления. Мы точно знаем, что и кем было сделано. Мы знаем, кто и куда ходил. У нас есть медицинские карты жертвы и нашего клиента. Мы даже нашли на месте преступления самодельное оружие с засохшей кровью. И я готова поставить хорошие деньги на то, что мы найдем на нем отпечатки пальцев предполагаемой жертвы».

«А как насчет свидетелей?», - спросил Либерман.

«Я уже готовлю ходатайство против двух предполагаемых жертв», - сказала я ему. «Врач скорой помощи уже согласился дать показания от имени клиента, так что повестка мне понадобится только для того, чтобы заставить больницу подстроиться под его график. Родители также предложили несколько кандидатов в свидетели характера - друзей клиента, которые уже знают о его силе и могут подтвердить, как он использует свою силу в обычных обстоятельствах; впрочем, мне придется получить аналогичный список от клиента и проверить все расхождения. Я проведу с ними собеседование, чтобы решить, кто и сколько мне нужен, но прошлый опыт подсказывает, что пригодится один, может быть, максимум два человека».

Стая птиц вылетела из-за деревьев в Центральном парке и повернула на крыло, чтобы улететь с острова Манхэттен.

«Все в итоге будет зависеть от того, насколько трудно Лу Янгу и судье Эндрюсу будет донести свои доказательства до присяжных».

«И сами присяжные», - напомнил он мне.

«И сами присяжные», - согласилась я со вздохом.

<http://tl.rulate.ru/book/105574/4015223>